

НАУЧНЫЕ ОТЧЕТЫ, НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Л.В. Егорова

доктор филологических наук,
профессор кафедры английского языка ВоГУ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КРАСИЛЬНИКОВ Р.Л. ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ВВЕДЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКУЮ ТАНАТОЛОГИЮ). М.: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, 2015. 488 с.

Книга привлекает сразу, но это не быстрое и не легкое чтение. Эпиграф справедлив: «Даже высоко дисциплинированный разум может споткнуться при встрече (прямой или опосредованной) со смертью. Никакие ученые и профессиональные сертификаты в мире не гарантируют, что мы сможем размышлять о смерти открыто, тактично и бесстрашно» (Kastenbaum R., Aisenberg R. *The psychology of Death*. New York: Springer, 1972. P. IX). Монография полезна всем, в наибольшей степени – интересующимся вопросами литературоведения и гуманитарной танатологии.

Р. Красильников пишет настолько информативно насыщенно и ясно, что овладение терминологическим аппаратом танатологии становится увлекательным процессом (монография прекрасно вписана в процесс эвфемизации табуированной танатологической сферы): «Танатос», «влечение к смерти» (В. Штекель, З. Фрейд), «смерть прирученная», «смерть своя», «смерть твоя» (В. Янкелевич, Ф. Арьес), «смерть извне», «смерть изнутри» (М. Бахтин), «танатопэтика» (А. Hansen-Löve), «художественная танатология» (Ю. Семикина), «танатэротика» (П. Высекков), «танатография» и др. (с. 44).

Исследователь обращает внимание на детали, которые могли бы остаться незамеченными; так, в сноске отмечает лингвистические причуды русского языка: «...слово “танатологические” выглядит избыточным: точнее было бы сказать “танатические”, ведь относительно антипода Танатоса – Эроса – свободно образуется прилагательное “эротический”, и далее сопоставляет с лексемами «психический» и «психологический» (с. 10).

Читая, многое пересматриваешь, открываешь для себя упущенное. Например, классификация типов самоубийств К. Меннингера (из книги «Человек против себя» 1938 года) позволяет посмотреть под иным углом зрения, скажем, на соматическое заболевание. Кроме собственно самоубийства последователь Фрейда выделял самоубийства «хроническое (аскетизм, мученичество, неврастения, алкоголизм, анти-социальное поведение, психозы), локальное (членовредительство, симуляция, преднамеренные несчастные случаи, импотенция, фригидность) и органическое (соматические заболевания)» (с. 46).

Три главы по четыре-шесть параграфов (и резюме к каждой из них) постепенно освещают целые области знания.

Первая глава определяет место танатологии в контексте гуманитарного знания. Когда зафиксировано первое употребление слова «танатология» в мире и в России, кто стоял у истоков танатологии и геронтологии, кто создал типологию смерти, специфическую методологию танатологии, предсказал ее междисциплинарный характер – на эти и многие другие вопросы мы находим ответы в первом параграфе «Становление гуманитарной танатологии». Здесь прослежена «стихийная» и научная разработка проблемы. Познавательны экскурсы в историю развития западной и отечественной танатологии. Особо привлекателен американский опыт: в Штатах принципиален прикладной характер знаний, там состоялась институционализация танатологии.

Второй параграф посвящен специфике литературоведческой танатологии: ее становлению (начиная со «страдания» («страсти») как третьей части фабульной структуры трагедии у Аристотеля), существующим в этой области теоретическим трудам зарубежных и отечественных авторов, использованным в них методологическим приемам, подходам.

Танатологические исследования связаны с интереснейшими вопросами: «Как можно говорить о молчании?», «Как можно изучать молчание?». На редуцирование танатопэтики и, как следствие, абсолютизацию смертельного ужаса и смертельной пустоты обращал внимание А. Ханзен-Леве (см. с. 66), и усвоение подобного рода наблюдений обогащает читателя.

Четко формулируя задачи литературоведческой танатологии, исследователь подчеркивает, что дело «не в очередном витке дифференциации гуманитарной науки», а в новых возможностях, которые обнаруживаются при сосредоточении на том или ином образе-мотиве, ключевом для мировой литературы, «в новом взгляде на системный подход, который позволяет изучить функционирование этого феномена относительно различных аспектов литературного произведения, творчества отдельного автора или художественного направления в целом» (с. 69).

Третий параграф рассматривает танатологические мотивы как объект изучения, выявляет специфику. Автор обнажает продуктивное противостояние: в то время как специфической чертой данных мотивов является «интенция к завершению» (сюжетоперывающая функция), присущее человеку стремление к осмыслению феномена смерти придает им смыслообразующий, сюжетообразующий, жанрообразующий потенциал, причем и «антитанатологического» характера (с. 106).

Четвертый параграф представляет типологию танатологических мотивов. Она позволяет не только упорядочить все многообразие элементов, но и увидеть возможные направления их анализа.

«Танатологический мотив как знак можно охарактеризовать с трех сторон: семантической, синтаксической (поэтической), прагматической» (с. 247). Вторая глава рассматривает семантику и поэтику мотивов.

В первом параграфе описан семантический подход к танатологическим мотивам, эпистемологические и терминологические установки такого рода анализа. В каждом параграфе после теоретических выкладок идет поиск методологических установок, которые помогли бы в анализе того или иного материала с определенной точки зрения. Выявленные здесь методологические принципы реализованы в ходе анализа «Рассказа о семи повешенных». При его создании Л. Андреев, опираясь на реальные события 1908 года, от публицистики (памфлета) первого варианта приходит в финале к предоставлению слова самим персонажам. Р. Красильников демонстрирует, как рефлексия каждого из них создает «танатологическую полифонию» «Рассказа» (с. 141).

Второй параграф посвящен танатологической архетипике и мифопоэтике. Отмечая, что «кроме эксплицитно выраженного содержания, в произведении присутствует и так называемая латентная семантика» (с. 141), автор книги показывает, что «скрытые», «непрозрачные» смыслы «связаны с психоаналитическими комплексами, архетипами и мифологемами, бессознательно или сознательно воплощенными в тексте» (с. 148). Мифопоэтический, архетипический и психоаналитический анализ сделан на примере баллады «Морская царевна» М. Лермонтова.

Далее вопросы семантики отходят на второй план, на первый выступают проблемы формы, плана выражения. В третьем параграфе изучаются функции танатологических мотивов в нарративе литературного произведения, исследуется их роль в трансформации фабулы в сюжет, особенности их функционального расположения (в начале, середине, конце текста). Танатологические финалы как реализация сильной позиции мотивов разбираются на примере рассказов Ф. Сологуба.

В мотив как семантико-структурный элемент входят предикат, описывающий действие, актанты, обо-

значающие участников события, и сирконстанты, указывающие на обстоятельства происшествия. Им, их участию в организации структур более высокого уровня посвящены следующие параграфы.

В третьей главе рассмотрена проблема эстетического воздействия танатологических мотивов на читателя: «Мотив в контексте эстетических понятий», «Модальность танатологических мотивов», «Танатологические мотивы и возвышенное», «Танатологические мотивы и низменное», «Танатологические мотивы и другие модусы». Р. Красильников убедительно показывает актуализацию разных сторон танатологического знака: «он включается в исторические, художественные и другие дискурсы (коннотативно-семантический аспект) и ищет адекватные формы выражения своих коннотативных значений (синтаксический, поэтический аспект)» (с. 401). При этом происходит реализация прагматического потенциала – способность танатологических элементов вызывать определенные эмоционально-волевые реакции (катарсическую, «слезную», смеховую)» (с. 401).

Резюме, обобщая основные идеи, изложенные в главах, позволяет увидеть их уже чуть иначе – панорамнее: цельно, обобщенно, масштабное.

Монография очень хорошо написана, и когда исследователь подводит промежуточный итог о вполне гармоничном сочетании прекрасного и танатологических мотивов («Именно художественная литература и искусство в целом реализуют этот оксюморон – «прекрасная смерть» – как особый способ осмысления танатологической тайны и адаптации индивида к ней» с. 375), удовлетворенно улыбаешься, потому что неоднократно ловишь себя на мысли, что исследование – наряду с интеллектуальным – доставляет эстетическое удовольствие. Через несколько страниц улыбаешься снова. Срабатывает мысль о четкой связи «феномена безобразного (и низменного в целом) с семантической нагрузкой танатологических мотивов: *чтобы изобразить смерть некрасивой (комической или ничтожной), необходимо лишить ее глубокого осмысления*» (с. 383). В исследовании Р. Красильникова – глубокое осмысление, отсюда – многогранность и объем.

Краса и сила... Слова, созвучные фамилии автора. Это действительно красивое и сильное монографическое высказывание. Закрывая книгу, испытываешь благодарность за полученный опыт: из коллективного и неосознанного он перерастает в индивидуальный осознанный.

С фотографии улыбается совсем молодой автор. Лауреат премии Европейской Академии для молодых ученых. Автор более семидесяти научных работ. Докторская диссертация защищена в марте 2011 года в МГУ им. Ломоносова по специальности 10.01.08 – Теория литературы, текстология.